

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ БЕЛОРУССКИХ АНТРОПСНИМОВ

Труды Н. В. Бирилло по белорусской антропонимии являются своеобразным тезавром, благодаря которому возможно дальнейшее развитие этой области языкознания.

Нами было замечено, что некоторые белорусские антропонимы, которые, по мнению Н. В. Бирилло, являются эмоционально-оценочными формами собственных личных имен, в действительности имеют балтийские соответствия, которые хорошо этимологизируются на балтийском материале. Видимо, многие из таких белорусских антропонимов могут быть унаследованы от жившего на территории Белоруссии балтийского населения или возникли из-за адаптации балтийских антропонимов к антропонимам христианского или народно-славянского происхождения.

Бутрым (см. Н. В. Бірыла, Беларуская антрапанімія, Мінск, 1966 [далее: БА I], 38) и *Бутримович* (БА I 128) следует возводить из лит. *Būtrimas* (имя и фамилия), ср. фамилии *Butrymas*, *Butrimavičius*, *Būtrimas*¹, которые, как и лит. имя *Būtrimas* (см. К. Kuzavinis, В. Savukūnas, Lietuvių vardų etimologinis žodynas, — Vardai ir žodžiai, Vilnius 1971 [далее: VŽ], 66), восходят к *but-* (ср. *butas* „дом“) + *rim-* (ср. *rimti* „1. утихать, затихать; переставать; успокаиваться; 2. оставаться (на одном месте)“). К балтийскому источнику, скорее всего, восходят и *Бута* со своими вариантами *Бутко* (ср. лит. *Būtkus*), *Бўтыч*, *Бутэнка*, *Буткэвіч*, *Бутоўскі*, *Буткоўскі*, *Бут* (ср. БА II 72). Встречающиеся в списках польской антропонимии *Butrym*, *Butrymowicz*, *Butrymowski* (Jan St. Bystroń, Nazwiska polskie. Wydanie drugie. Lwów — Warszawa, 1936, 114, 283) следует также объяснять как балтизмы.

Варнель, *Варнэль*, *Варно́* (ср. БА I 37; М. В. Бірыла, Эмацыянальна-ацэначныя формы ўласных асабовых мужчынскіх імен у XVI—XVIII стст., — Беларускае і славянскае мовазнаўства, Мінск, 1972 [далее: БСМ], 98), кажется, восходят к лит. *Varnėlis*, *Vārna* и т.д. (: *vārna* „ворона“).

¹ Примеры современных литовских фамилий даются из картотеки фамилий Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР.

Милейка и некоторые другие антропонимы, имеющие корень *Mil-*, может быть, восходят к многочисленной группе литовских антропонимов, имеющих корень *Mil-*, восходящую к *(pa)milti* „полюбить“ (см. VŽ 119), ср. *Mileikà*.

Многочисленны также литовские антропонимы с корнем *Miñ-*, восходящим к *minėti* „упоминать“ (VŽ 119–120). Поэтому целесообразно предполагать, что некоторые белорусские антропонимы, имеющие этот корень, — балтийского происхождения (особенно это можно предполагать для *Мина́йла*, ср. БА II 285).

Кажется, белорусские антропонимы, имеющие корень *Парш-* (не только *Паршук*, но и *Парша*, *Паршута* и др.), как и некоторые русские соответствия, могли возникнуть под влиянием балтийского субстрата (ср. лит. *Paršaitis*, *Paršėlis*, *Paršeliūnas*, *Paršiōnis*, *Paršiūkas* и т. д., восходящие к аппелятиву *pařšas* „поросенок“).

Такие белорусские антропонимы, как *Пилейка* (БА I 168; II 323; БСМ 89), *Пилун* (БА II 323), а также, возможно, и некоторые другие, являются не вариантами христианских имен, а восходят к литовскому источнику, ср. лит. *Pileika*, *Piliūnas*, *Piliōnis* и др. (: *pilis* „замок“).

Немалое количество белорусских антропонимов имеют корень *Пуп-*. Возможно, некоторые из них могли произойти от имени *Пуплий* (БА I 139; БСМ 86, 98) или от другого источника (БА II 338), но, кажется, большое значение должно было иметь литовское влияние. Такие белорусские антропонимы, как *Пупейка*, *Пупель*, *Пупа* и, возможно, другие могли остаться как балтийское наследие, ср. лит. *Pupeika*, *Pupeikis*, *Pupelis*, *Pupa*, *Pūpius*, *Pupšà* и т. д. (: *purà* „боб“).

Существование большого количества исконно балтийских антропонимов с корнем *Rim-*, восходящих к *rimti*, позволяет предполагать, что некоторые белорусские антропонимы, имеющие этот корень, возникли под влиянием балтийского субстрата, ср. блр. *Рымша* — лит., лтш. *Rimša* (: лит. *rimša* „спокойный человек“), блр. *Рымжа* — лит. *Rimža* и т. д.

Число балтизмов в научной литературе о белорусской антропонимии должно увеличиться еще насчет тех антропонимов, о происхождении которых Н. В. Бирилло не высказался. Напр., *Азоля*, *Азóлин* (БА II 18), видимо, восходят к лтш. *Ozol-* (: лтш. *ozols* „дуб“); *Болт* и др. (БА II 58) — к лит. антропонимам с корнем *Balt-* (: *báltas* „белый“), ср. *Baltėnis* и т. д.; *Бубель*, ср. лит. *Bubelis*, и т. д.

Для некоторых отдельных белорусских антропонимов Н. В. Бирилло считает возможным литовское происхождение, другим, имеющим тот же корень, указывая другое происхождение. Из таких примеров следует отме-

тить *Мажуль*, который автор связывает с лит. *mažulis* „маленький“ и предполагает, что он, возможно, происходит от лит. *Mažiulis* (БА II 266). Но литовского происхождения являются и *Мажэйка* (русск. *Можейко*), *Мажуць*, *Мажута* и др., ср. лит. *Mažeikà* и т. д. (: *māžas* „малый“).

Белорусских антропонимов балтийского происхождения можно было бы указать еще большое количество.

SMULKMENOS

VII

E. Grinaveckienė straipsnyje „Kai kurios Gervėčių tarmės veiksmazodžio ypatybės“ (Baltų kalbų veiksmazodžio tyrinėjimai, Vilnius, 1973) tvirtina, kad sangražinių liepiamosios nuosakos formų be *-k* galūnė *-ies* Gervėčių šnekte tariama tvirtapradiškai, pvz., *baries* ‘barkis’, *imies* ‘imkis’ ir t. t. (p. 224–225). Iki šiol iš tų vilniškių tarmės šnektų, kuriose aiškiai skiriama tvirtapradė priegaidė nuo tvirtagalės, tebuvo žinomas tik tvirtagališkas šios galūnės tarimas: *bariēs*, *imiēs*... Tai konstatuota ir mano „Lietuvių dialektologijoje“ (p. 372). Dėl cirkumfleksinės galūnės senumo plg. 3. permis. *tenešiē*. Savo Gervėčių šnektos užrašuose (1948 ir 1954 m.) sangražinių liepiamosios nuosakos be *-k* formų, deja, neradau. Jeigu šioje šnekte iš tikrųjų nurodyta galūnė tariama tvirtapradiškai, tokį tarimą galima būtų paaiškinti 2. sing. praes. formų, plg. *baries(i)*, *imies(i)*, įtaka. Tačiau patį tvirtapradiško tarimo faktą dar reikia patikrinti, nes kiti tyrinėtojai ir Gervėčiuose girdėjo tvirtagalę galūnę, plg. A. Vidugirio straipsnyje „Iš Gervėčių tarmės semantinių dialektizmų“ (Leksikos tyrinėjimai, Vilnius, 1972) pateikiamas formas *Gaminiēs* 23₁₄ ‘gaminkis’, *renkiēs* 27₄₂ ‘renkis’. Betgi P. Aruma (Litauische mundartliche Texte aus der Wilnaer Gegend, Dorpat, 1930) rašo *gul'i·ēs*, *sedži·ēs* (p. 58₂₁). Gal Gervėčiuose esama dvejopai (tvirtagališkai ir tvirtapradiškai) tariamos galūnės?

E. Grinaveckienės argumentacija, kad galūnės *-ies* tvirtapradiškumą esą rodančios šnektos gretiminės formos su *-is*, pvz., *vežies* || *vežis* ‘vežkis’ („nes tik tvirtapradžiai galūniniai dvibalsiai trumpėdami galėjo suvienabalsėti, ir tuo būdu iš *-ies* greta galėjo atsirasti naujesnė *-is*“ p. 225¹⁹), yra visai nevykusi. Juk iš tikrųjų tegalima padaryti tik priešingą išvadą. Jau pats gretiminių formų vienoje šnekte buvimo faktas rodo, kad pabaiga *-is* negalėjo fonetiškai išsirutulioti iš *-ies*. Dėl to, žinoma, ir mano prielaida, jog Lazūnų *stojis* galūnė greičiausiai priderinta prie *stokis*, anaip tol ne „lieka be pagrindo“, kaip mano autorė.

VIII

1961 m. J. Kazlauskas (LKK IV 82) konstatavo, kad E. Volterio iš Linkmenų pateikta forma *bui* ‘būk’ esanti netiksliai užrašyta, nes Linkmenyse ji tariama su